

О. А. Сухова

СОВЕТСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО КАК РЕСУРС МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И РЕАЛИИ СОЦИАЛИЗМА*

doi: 10.30759/1728-9718-2020-1(66)-103-112

УДК 94(470)“1920/1930”

ББК 63.3(2)611-2

Цель проведенного исследования заключается в изучении проблемы сохранения исторической преемственности мобилизационных стратегий в экономической политике российского государства. Предметом научного анализа выбрана организация труда в советской деревне в 1920–1930-е гг. Опираясь в своих поисках на достижения предшественников и документальные свидетельства, автор раскрывает вопросы генезиса и развития мобилизационной экономики на примере изучения военных поселений и аграрной политики советского государства. В числе основных характеристик мобилизационной экономики в статье называются: милитаризация менеджмента, сохранение и воспроизводство чрезвычайных управленческих практик, принуждение к труду. Возрождение традиционных способов мобилизации ресурсов российской деревни в начале XX в. было обусловлено тотальным кризисом потребительской системы в годы Первой мировой войны и обострением продовольственного вопроса. Итогом ребрендинга мобилизационных стратегий имперского периода стал масштабный проект социальной инженерии, нацеленный на завершение перехода к индустриальным формам хозяйствования и предполагавший жесткую включенность трудовых и материальных ресурсов деревни в строительство промышленного комплекса советской экономики. Административный произвол и внеэкономические формы принуждения к труду, апробированные в период Гражданской войны, будут заложены и в фундамент коллективизации. Историческая преемственность управленческих решений видится и в определенной аналогии между формированием полковых поселенных округов в XIX в. и проведением масштабной административной кампании по организации сельскохозяйственных коммун/колхозов с участием демобилизованных красноармейцев в 1924–1933 гг.

Ключевые слова: *крестьянство, мобилизационная экономика, военные поселения, сталинская модернизация, колхозная система, принудительный труд, трудов день, красноармейские колхозы*

В последние десятилетия в исследованиях по экономической истории России все чаще звучит тезис о значимости (а в советский период — доминировании) внеэкономических приоритетов развития, что объясняется экстремальностью воздействия факторов природного и социального порядков.¹ При этом ключевой характеристикой, родовым признаком экономической модели выступает неприятие рыночных институтов и механизмов. Эта основа объединяет как сторонников идеи сохранения исторической преемственности

в экономическом развитии России, так и критиков исключительно советской системы. Так, по мнению О. Э. Бессоновой, традиционная природа российской экономики (как «государства — хозяйства “раздаточного”») сохранилась и более того максимально проявилась в советский период.² В то же время в работе Р. Эриксона рождение командной экономики, создавшей иерархически организованные и централизованно направляемые структуры, нацеленные, в свою очередь, на «установление полного контроля не только над экономической, но и над социальной и политической деятельностью», отнесено к периоду 1930-х гг.³

Постепенно в научном дискурсе и в системе массовых коммуникаций утверждается концепт «мобилизационная экономика»,⁴ в числе

¹ См.: Сенявский А. С. Экономическое развитие России в XX веке: историко-теоретические проблемы // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов II Всерос. науч. конф. Челябинск, 2012. С. 64–66.

Сухова Ольга Александровна — д.и.н., профессор, Пензенский государственный университет (г. Пенза)
E-mail: suhhov747@yandex.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00125 «Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е — начале 1950-х гг.» (рук. О. А. Сухова)

² Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М., 2006. С. 7.

³ См.: Эриксон Р. Командная экономика и ее наследие // Экономика России. Оксфордский сборник. М., 2015. Кн. 1. С. 101.

⁴ См.: Фонотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993; Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов II Всерос. науч. конф. Челябинск, 2012.

основных характеристик которого исследователи выделяют милитаризацию менеджмента, сохранение и воспроизводство чрезвычайных управленческих практик, принуждение к труду.⁵

Оценивая эвристический потенциал данной объяснительной модели, следует исходить из очевидного факта: система мобилизационных усилий государства фокусируется главным образом на аграрном секторе экономики, другими словами, если извлечь из мобилизационной стратегии в ее темпоральном измерении крестьянство (как основную социальную страту традиционного общества), пространство для теоретических построений резко сократится. Именно это привлекает исследователей к изучению истории советской деревни в 1917–1930-е гг.

Первые признаки ребрендинга традиционных способов мобилизации ресурсов аграрного сектора проявились еще в годы Первой мировой войны, что было обусловлено тотальным рассогласованием потребительской системы и обострением продовольственного вопроса в стране. Переход в 1916 г. к непопулярным мерам разверстания по губерниям требуемого государству хлеба видимых результатов не дал. Проблема голода дамокловым мечом нависла и над новой властью. Упадок, а затем фактическая ликвидация помещичьего землевладения, неурожай 1917 г. в зернопроизводящих районах страны, подписание Брестского мира и, наконец, потеря контроля над территориями Украины и Сибири в ходе Гражданской войны резко сократили поставки зерна на внутренний рынок. Только передача Германии, по условиям Брестского мира, территории с населением в 36 млн человек привела к тому, что Советская Россия не досчиталась 35 % товарного хлеба.⁶

Императивы кризисного управления впитывали опыт и непосредственного ведения военных действий, и участия в решении фискально-реквизиционных задач различных военизированных формирований. В 1918–1919 гг. мобилизационные практики приобретают исключительный и тотальный характер.⁷ С лета 1918 г. одним из незримых фронтов

Гражданской войны становится борьба за контроль над продовольственными ресурсами. В этом направлении власти санкционировали прямое изъятие хлеба отрядами, сформированными из представителей рабочих профсоюзов, и архаизация управленческих практик была доведена до предела.⁸ Масштабы «рабочего» (городского) похода в деревню впечатляют. Так, по данным Т. В. Осиповой, только в Пензенской губернии к концу лета 1918 г. действовало 8 петроградских продотрядов, 5 владимирских, 2 московских. В Симбирской губернии — сводный петроградский отряд (2 тыс. человек), московский, владимирский, новолодожский, костромской, северодвинский и др., всего 4 945 человек.⁹ В марте 1919 г. в дополнение к введению продразверстки Совет Оборона принимает постановление об увеличении в 100 раз числа рабочих, отправляемых в хлебные районы.¹⁰

После введения всеобщей трудовой повинности для всех граждан в возрасте от 16 до 50 лет исключительно мобилизационный характер приобретает трудовое законодательство (Кодекс законов ВЦИК о труде введен в декабре 1918 г.).¹¹ Для доставки военных, топливных, продовольственных и других государственных грузов в города, а также подвоза их к железным дорогам, пристаням и пр., декретом СНК от 18 августа 1918 г. была учреждена гужевая повинность.¹² К ней привлекались крестьяне в возрасте от 35 до 50 лет и крестьянки от 18 до 40 лет.¹³ Для вывозки дров и угля в годы Гражданской войны ежедневно требовались сотни тысяч крестьянских подвод (в частности, в Екатеринбургской, Тюменской, Челябинской, Уфимской и Пермской губерниях потребности государства в подвижном составе определялись показателем в 255 746 подвод ежедневно).¹⁴

Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны (СРКО) от 25 декабря 1918 г. «О борьбе со снежными заносами» ввело обязательную практику выполнения нарядов по расчистке железнодорожных путей от снега. Сельские, волостные, уездные комбеды, совдепы и исполкомы получили полномочия прибегать к военной силе для мобилизации

⁵ См.: Круглый стол «Мобилизационная экономика»: понятие, его границы и содержание // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. Вып. 40. 2010. № 15 (196). С. 143, 144.

⁶ См.: Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 87.

⁷ Иногда в самых гротескных формах. См.: Декрет СНК о мобилизации грамотных от 10 декабря 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1963. Т. 4. 10 нояб. 1918 г. — 31 марта 1919 г. С. 194.

⁸ Там же. С. 446, 447.

⁹ См.: Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 174, 175.

¹⁰ См.: Декреты Советской власти. М., 1963. Т. 4. 10 нояб. 1918 г. — 31 марта 1919 г. С. 659.

¹¹ Там же. С. 166, 168.

¹² Там же. Т. 6. 1 авг. — дек. 1919 г. М., 1973. С. 49.

¹³ Там же. С. 284.

¹⁴ См.: История советского крестьянства: в 5 т. М., 1986. Т. 1. С. 127.

крестьян.¹⁵ В феврале–марте 1920 г. на основании постановлений СРКО от 29 ноября 1919 г. и 2 февраля 1920 г.¹⁶ в 13 губерниях Центральной России к снегоочистке железных дорог было привлечено 195 700 крестьян на 40 350 подводах.¹⁷ В 1920/21 г. в среднем на каждое крестьянское хозяйство европейской части России пришлось по 40–50 дней работы с лошадей и по 30–40 дней без лошади, но там, где осуществлялись массовые лесозаготовки или перевозки военных и продовольственных грузов, число дней трудовой и гужевой повинностей возрастало до 100 и больше дней для конного и пешего работников.¹⁸

Отказ от политики военного коммунизма и переход к НЭПу вызвали необходимость регламентации административного произвола и чрезвычайных мер управления, сокращения масштабов государственного вмешательства. В ноябре 1921 г. складывается практика определения интенсивности участия крестьян в выполнении государственных натуральных повинностей. Мерилом эффективности советской мобилизационной экономики становится трудодень. Так, по Декрету СНК РСФСР от 22 ноября 1921 г., все трудоспособное население советской деревни (мужчины в возрасте 18–50 лет и женщины 18–40 лет) было обложено трудгужналогом, составлявшим по всей территории РСФСР 4 трудодня (пеших и конных, по нормам урочного положения). Работа, выполнявшаяся в порядке трудгужналога, оплате не подлежала, за исключением местностей, пострадавших от неурожая.¹⁹ Очевидно, что военно-коммунистический эксперимент, в рамках которого состоялась апробация репрессий как исключительного рычага воздействия на хозяйствовавших субъектов, заложил надежное основание в фундамент мобилизационной экономики. Трудодень в этом контексте выступает «удобной» формой фиксации государственных потребностей и мерой включенности крестьян в государственный сектор экономики.

Как известно, «общинная революция» априори не ставила задачи развития предпринимательского хозяйства и, вкпе с реквизициями, разрухой и голодом 1921 г., стала

фактором стагнации производства сельскохозяйственной продукции в стране. Общим трендом социальной мобильности российского крестьянства в годы Гражданской войны становится рост бедности.²⁰ К концу 1920-х гг., как отмечают исследователи, качественных изменений в аграрном секторе не произошло. Треть общего числа крестьянских дворов в стране не имела рабочего скота, а половина — владела одной рабочей лошадей или волом.²¹ То же самое можно сказать и об обеспеченности сельскохозяйственным инвентарем. Так, в Пензенской губернии, по данным Л. В. Лебедевой, к 1926 г. на 100 хозяйств приходилось лишь 16,35 плугов, а 32,1 % хозяйств вообще не имели пропашного инвентаря.²²

В условиях реализации курса на индустриализацию страны при низком стартовом потенциале экономики выбор стратегии мобилизационного менеджмента был очевиден, благо и организационные формы, и инструментарий принуждения были созданы и проверены временем. Эпохой безраздельного господства милитаризированных административно-командных методов управления принято считать период 1929–1950-х гг.²³ Вне зависимости от приоритета внешней угрозы или необходимости укрепления режима как факторов перехода к политике коллективизации, для советской деревни это обернулось социальной катастрофой. Насажение артельной формы хозяйствования привело к тому, что уже во второй половине 1931 г. экономика сельскохозяйственных районов России «в целом перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство — ее базовой производственной ячейкой».²⁴

Согласно Примерному уставу сельскохозяйственной артели (1930), организация труда в колхозах строилась на основе правил внутреннего распорядка, принятых общим собранием членов, и на принципах обязательного и личного участия колхозников. На условиях найма работали лишь лица, обладавшие специальными знаниями и подготовкой (агрономы, техники и пр.). Мерами учета и стимулирования трудовой активности колхозников были определены сдельная оплата

¹⁵ См.: Декреты Советской власти. М., 1963. Т. 4. С. 256, 257.

¹⁶ Там же. М., 1973. Т. 6. С. 324, 325.

¹⁷ См.: История советского крестьянства... Т. 1. С. 126.

¹⁸ Там же. С. 129.

¹⁹ См.: Декрет СНК РСФСР от 22 ноября 1921 г. «Об осуществлении периодических трудгужевых повинностей на началах трудгужевого налога». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17350#06052334092999598> (дата обращения: 15.08.2019).

²⁰ См.: Ильиных В. А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х — 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы // Урал. ист. вестн. 2018. № 4 (61). С. 130.

²¹ Там же. С. 132.

²² См.: Лебедева Л. В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М., 2009. С. 29–31.

²³ См.: Кириллов В. М. Принудительный труд в СССР: историко-графический аспект // Урал. ист. вестн. 2017. №3 (56). С. 84.

²⁴ Ильиных В. А. Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // Ежегод. по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год. М.; Брянск, 2012. С. 625.

труда и урочная система, введенные в соответствии с нормами выработки и расценками по отдельным видам работ. Устав предполагал и авансирование оплаты труда в течение хозяйственного года.²⁵ С момента принятия Постановления VI Съезда Советов СССР от 17 марта 1931 г. «О колхозном строительстве»²⁶ официально закрепляется понятие трудодня как основной меры учета трудовой активности членов артели. В ближайшей перспективе новая форма оценки сдельной работы колхозника рассматривалась как один из факторов роста производительности социалистического труда в крупных объединениях, вооруженных новой техникой. Масштабнейший проект социальной инженерии, нацеленный на завершение перехода к индустриальным формам хозяйствования, предполагал жесткую включенность трудовых и материальных ресурсов деревни в строительство промышленного комплекса советской экономики.

В современной историографии прочно утвердился тезис об использовании практик рефеодализации по отношению к аграрному сектору экономики, о втором издании крепостного права.²⁷ Подобные сентенции («коллективы есть барщина») присутствовали и в оценках непосредственных участников описываемых событий.²⁸ Но можно ли объяснить возвращение к методам внеэкономического принуждения, применяемым в качестве основного способа изъятия земельной ренты, к сословности обложения, натуральным и отработочным его формам²⁹ исключительно «хаотической смесью тяги к насилию, пылкой убежденности и утопизма» большевиков.³⁰

Специфику и уникальность социалистического эксперимента невозможно понять без обращения к изучению исторического опыта реализации мобилизационных стратегий в более ранние периоды российской истории, и в первую очередь к практике создания военных поселений. Первые ростки этого явления уходят своими корнями в реалии «военной революции» в Европе XVI–XVII вв., когда

в целях борьбы за сферы влияния и освоения колониальных территорий монаршие дворы начинают создавать регулярные профессиональные армии, перестраивая при этом сферы управления (рост военно-политических структур и численности военного аппарата управления), финансов и принципы комплектования вооруженных сил (скажем, введение милиционно-территориальной системы индальты в Швеции в XVI–XVII вв., суть которой заключалась в закреплении содержания армии и в военное, и в мирное время за населением определенной территории — индальты).³¹ Во второй четверти XVI в. институт Военной границы (пограничная служба и система военных поселений) был создан Австрийской монархией на границе с Османской империей. Население Военной границы — граничары — формировалось из сербов, хорватов, немцев, венгров, румын и представителей иных этнических групп. За несение службы граничары получали земельный надел, денежное довольствие, освобождались от барщины, некоторых налоговых выплат, имели ряд налоговых льгот. Помимо земледелия жители австрийской Военной границы активно занимались промыслами и торговлей. Прошедшие в своей истории ряд серьезных реорганизаций, граничарские полки просуществовали до 1880-х гг.³²

В России создание поселений в зоне освоения порубежных территорий было сопряжено с масштабным строительством засечных черт и основанием городов-крепостей и восходит к XVI–XVII вв. Участие России в Северной войне, растянувшейся на добрую четверть века и сформировавшей пространство повседневности для целого поколения россиян, многократно усилило мобилизационное начало, которое постепенно проросло и закрепились в структуре аппарата государственного и военного управления, подчинило себе экономическую и социальную политику (введение рекрутской повинности и подушной подати), заложило условия для появления имперской формы правления. С 1713 г., по указу Петра I, в России вводится особый вид военных поселений — полки ландмилиции, призванные защитить Украину от набегов крымских татар.³³

К концу XVIII в. Россия приблизилась к пределам своей территориальной экспансии, но протяженность внешних и внутренних фронтов требовала постоянного увеличения

²⁵ См.: Хлебоцентр (На фронте с.-х заготовок). Ежегод. информ. бюллетень. М., 1931. № 11. С. 26–29.

²⁶ См.: Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. М., 1939. С. 206–215.

²⁷ См., напр.: Мотревич В. П. Советский трудодень — зарплата крепостных колхозников в условиях тоталитарного государства // Аграрный вестн. Урала. 2013. № 3 (109). С. 38–43.

²⁸ См.: ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 379. Л. 13.

²⁹ См.: Ильиных В. А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. 2012. № 1. С. 133.

³⁰ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008. С. 63.

³¹ См.: Кандаурова Т. Н. Военные поселения в Европе и России XVIII–XIX веков // Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 86.

³² Там же. С. 87–95.

³³ Там же. С. 96.

управленческих и финансовых ресурсов, сохраняла особые условия организации социального пространства и осложняла социально-политическое взаимодействие. После Отечественной войны 1812 г. Александр I инициирует создание системы военных поселений, во многом опираясь на опыт австрийской поселенной системы.³⁴ Одной из целей проекта помимо экономии средств и филантропических иллюзий императора («дать войскам оседлость» и освободить население от постоя) выступало встраивание либеральных практик в дряхлеющую систему крепостнических отношений. Особый социальный слой лично свободных земледельцев, ведущих предпринимательское хозяйство в защищенных государственной регламентацией поселениях, был призван послужить социальной опорой императора в его либеральных начинаниях и тем самым подготовить страну к отмене крепостного права.³⁵ Как отмечает известный исследователь истории военных поселений Т. Н. Кандаурова, «военнопоселянские хозяйственные структуры стали представлять собой новые модели позднефеодального хозяйства, качественно отличные от традиционных»,³⁶ сбалансированные системные построения, где экономические и социальные гарантии обеспечивали стабильность хозяйственного развития округов. Изучая развитие системы округов военных поселений кавалерии в Херсонской губернии, автор приходит к выводу о высокой степени эффективности и оправданности вложений для этого социального проекта: с течением времени экономический потенциал округов возрастал, и этот процесс носил последовательный характер.³⁷ В планах Александра I присутствовала идея перевода всей армии на положение полковых поселенных округов и отказа от рекрутских наборов, разрабатывались проекты создания военных поселений в Сибири.³⁸ Эта практика была продолжена и после смерти императора. С 1837 г. начинают формироваться военные поселения пехоты

на Кавказе, создаются новые округа военных поселений кавалерии в Киевской и Подольской губерниях. К середине века территория военных поселений увеличилась на 46 % и достигла 3,5 млн десятин. Численность населения в них в 1855 г. превысила 800 тыс. человек, в том числе в кавалерийских военных поселениях проживало свыше 560 тыс. человек.³⁹

Характеризуя опыт мобилизационных стратегий, ориентированных на организацию военно-хозяйственных практик сельского населения, важно учесть региональные различия. Как известно, природно-климатические условия Северо-Запада России не способствовали созданию процветающего хозяйства, и хозяйственное оскудение послужило одним из факторов обострения социального недовольства и возникновения массовых беспорядков в военных поселениях пехоты, расположенных в Новгородской губернии. Сюда же можно отнести и факт падения товарности хозяйств крестьян, политику властей по ограничению несельскохозяйственных занятий в так называемый аракчеевский период истории военных поселений.⁴⁰ Наибольшей экономической эффективностью, хозяйственной и социальной устойчивостью отличались военные поселения кавалерийских полков, сформированные на территории южнороссийских губерний. В социокультурном пространстве полковых округов исподволь формировались инновационные характеристики, как в сфере аграрного производства (например, развитие шелковичного плантационного комплекса в Украинском поселении⁴¹), так и в социальной сфере (введение обязательного начального образования для всех детей военных крестьян, создание земледельческих школ, школ садоводства, табаководства, шелководства, распространение госпитальных комплексов, курортных заведений⁴² и пр.). Тем самым, помимо решения военно-стратегических задач и облегчения нагрузки на имперский бюджет, государство задавало параметры развития социальной инфраструктуры, превращая военные поселения в региональные центры распространения передового опыта и технологий. О военных поселениях как значимых

³⁴ Там же. С. 84.

³⁵ См.: Сергованцев Д. Н. В России «...свобода вводится через армию». Рец. на кн. Б. Б. Давыдова «Военные поселения в России XIX века. Очерки истории» (М.: Минувшее, 2015. 48 с.) // Вестн. Моск. город. пед. ун-та. Сер.: Исторические науки. 2016. № 2 (22). С. 104.

³⁶ Кандаурова Т. Н. Военные поселения в России: аспекты экономической истории // Экономическая история: Ежегод. 2000. М., 2001. С. 579.

³⁷ Там же. С. 579, 591.

³⁸ См.: Кандаурова Т. Н. Военные поселения в Европе и России XVIII–XIX веков. С. 102, 103; Она же. Проект организации военных поселений в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 18–20.

³⁹ См.: Кандаурова Т. Н. Военные поселения в России: аспекты экономической истории. С. 586, 587; Она же. Военные поселения в России XIX в.: социокультурные аспекты развития // Вестн. РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 4 (84). С. 41.

⁴⁰ См.: Ячменихин К. М. Неземледельческие занятия военных крестьян и пахотных солдат Новгородской губернии // Северо-Запад в аграрной истории России. 2012. № 19. С. 55–57.

⁴¹ См.: Кандаурова Т. Н. Военные поселения в России XIX в.: социокультурные аспекты развития. С. 38.

⁴² Там же.

факторах культурной цивилизации страны писали и иностранные авторы, посещавшие Россию в первой половине XIX в.⁴³ В некотором смысле был реализован проект инверсионного порядка: методы внеэкономического принуждения использовались для адаптации населения к усвоению либеральных социально-экономических практик и социально-психологических ориентаций.

В Новгородской губернии после восстания 1831 г. поселения гренадерского корпуса были преобразованы в округа пахотных солдат, что привело к изменению юридического статуса населения и некоторой либерализации экономической деятельности. Начинается стремительный рост торговли и промыслов. В 1848 г. военные поселяне и пахотные солдаты получили право записываться в купеческое сословие, приобретать недвижимое имущество вне округов на общих основаниях.⁴⁴ Очевидно, что трансформация юридического статуса, рост отходничества, развитие предпринимательской деятельности среди военных поселян и пахотных солдат во второй четверти XIX в. свидетельствуют о темпоральной ограниченности явления, организационно-хозяйственные формы которого испытали на себе воздействие общего системного кризиса российской цивилизации, столкнувшейся с вызовами мира модерна.

Учитывая высокую затратность проекта в части требуемой инфраструктуры, специфику национального менталитета и особую сопротивляемость к восприятию инновационных социально-психологических установок и ориентаций на обоих полюсах социального мира, можно с известной долей условности рассматривать военные поселения как социально-экономическую и социально-политическую утопию.⁴⁵ Цели преобразований были непонятны крестьянству, опасавшемуся, что будут брить бороды и делать иные распоряжения, и искавшему в 1817 г. защиты у монарших особ.⁴⁶ Изучив причины крайней убыточности военных поселений на Кавказе в 1850 г., управляющий экспедицией государственных имуществ А. М. Фадеев назвал главным факто-

ром разорения подчинение поселян полковым командирам, которые видели в своих подопечных прежних крепостных крестьян, приписанных к полковым квартирам, и активно использовали традиционные формы повинностей.⁴⁷

О возрождении имперских мобилизационных практик в советскую эпоху можно вести разговор только в части заимствования элементов кризисной стратегии, обусловленной необходимостью решения задач модернизации в условиях тотальной хозяйственной разрухи и восстановления традиционных форм организации социальной жизни. Власти были вынуждены считаться с авторитетом общины, сельского схода. По причине устойчивости традиционалистских установок оказался негодным для освоения грандиозных задач социалистического строительства и человеческий материал. На первом этапе, когда советское руководство столкнулось с кризисом хлебозаготовок, чрезвычайная ситуация и падение эффективности системы управления вызвали к жизни чрезвычайные же методы принуждения. Очертания грядущего эксперимента проявятся позже, когда опытным путем будут определены степень социального сопротивления и потенциальные возможности осуществления утопии. В свое время Ш. Фицпатрик справедливо обратила внимание на тот факт, что административная кампания по насаждению колхозов была инициирована многим раньше, чем появились внятные инструкции по приоритетным формам объединения и степени обобществления крестьянского хозяйства. Так, Примерный устав сельскохозяйственной артели был принят 1 марта 1930 г., в тот самый день, когда «первый оголтелый натиск коллективизаторов был остановлен статьей Сталина “Головокружение от успехов”».⁴⁸ Созданная мобилизационная модель управления сельским хозяйством по своим масштабам и интенсивности носила беспрецедентный характер и, на первый взгляд, несоизмерима с имперским опытом организации военных поселений. Но при ближайшем рассмотрении историческая преемственность функционала, средств и методов становится очевидной, особенно, если обратить внимание на регламентацию формирования элементов нового уклада. Более того, можно провести прямую аналогию между формированием полковых поселенных округов в XIX в. и проведением масштабной административной кампании по организации

⁴³ См.: Кандаурова Т. Н. Российские военные поселения XIX века глазами европейцев // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 207.

⁴⁴ См.: Ячменихин К. М. Указ. соч. С. 57–61.

⁴⁵ См.: Ячменихин К. М. Институт военных поселений в системе государственной власти в России первой половины XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2009. № 1. С. 100.

⁴⁶ См.: Матвеев О. В. Повседневная жизнь военных поселенцев // Новгородика–2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность: материалы VI Междунар. конф.: в 2 т. Новгород, 2018. Т. 1. С. 228.

⁴⁷ См.: Сергованцев Д. Н. Указ. соч. С. 105, 106.

⁴⁸ Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 62.

сельскохозяйственных коммун/колхозов с участием демобилизованных красноармейцев в 1924–1933 гг. На начальном этапе основная задача виделась в подготовке новых кадров для социалистического строительства в деревне, и с 1927 г. в РККА начинает действовать система подготовительных курсов. Только в 1928 г. численность подготовленных колхозников, трактористов, работников кооперации, совработников и даже киномехаников достигает 68 тыс. человек.⁴⁹ Вряд ли можно назвать случайностью тот факт, что Постановление РВС СССР «Об участии Красной армии в колхозном строительстве» было принято 30 января 1930 г. одновременно с решением Политбюро «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации».⁵⁰ Место раскулаченных должны были занять 100 тыс. подготовленных колхозных кадров. К лету 1930 г. общее число красноармейских колхозов в СССР составило 176.⁵¹ Примечательно, что Постановление РВС предусматривало создание красноармейских групп для колхозного строительства на переселенческих землях Дальнего Востока и Казахстана. А в марте 1932 г., по предложению К. Е. Ворошилова, на территории Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) был создан Особый Колхозный корпус численностью в 60 тыс. человек. Дивизии ОКК формировались как кадровые, а основной хозяйственной ячейкой стали колхозы-батальоны.⁵² Как отмечает Н. С. Тархова, основным аргументом К. Е. Ворошилова в пользу создания ОКК было отсутствие «должного и быстрого эффекта» от строительства приграничных колхозов «добровольно вербуемыми».⁵³ История ОКК завершилась в 1936 г., красноармейских колхозов — в конце 1930-х гг. Исследователи отмечают, что в целом красноармейские колхозы выполнили свое предназначение, обеспечив продовольствием быстро растущие региональные военные группировки.⁵⁴

Таким образом, запуск мобилизационной стратегии являлся реакцией на возникнове-

ние кризиса оперативного управления в условиях резкого роста потребностей государства в ресурсах и, прежде всего, в продовольствии. Вне жесткой привязки к определенной исторической эпохе подобные проекты выполняют компенсирующую функцию, временно замещающая недостающие звенья управленческой решетки. Думается, что у советского руководства не было иллюзий относительно экономической эффективности колхозной системы, чем и объясняется, в частности, ужесточение административного контроля над использованием приусадебных участков и выполнении установленного минимума трудодней с мая 1939 г. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. устанавливало административную и уголовную ответственность для партийных и советских работников, допустивших «разбазаривание общественных колхозных земель и увеличение размеров приусадебных участков колхозников сверх предусмотренных Уставом норм». Колхозников, сдававших свои приусадебные участки в аренду, ожидали исключение из колхоза и лишение приусадебных участков.⁵⁵ Невыполнение установленного минимума трудодней, согласно рекомендации (совету) партийного руководства, могло также привести к утрате прав колхозника и выбытию из колхоза⁵⁶ (мера трудноосуществимая на практике, чем и объясняется столь осторожная позиция властей). Одновременно с этим майский пленум 1939 г. ЦК ВКП(б) одобрил и очередное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об организации «широкой мобилизации колхозных масс», работников МТС, совхозов и т. д. на проведение сева и уборки урожая.⁵⁷ Тем не менее хозяйственные итоги года оказались малоутешительными.⁵⁸ Неудивительно, что параллельно с ужесточением трудового законодательства мы встречаем апелляцию к либеральным механизмам стимулирования аграрного производства. Так, в марте 1941 г. постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства устанавливалась дополнительная оплата труда (до 50 % натурой или деньгами), в том случае, если колхоз выполнял государственные задания, а колхозники — установленное

⁴⁹ См.: Тархова Н. С. Красноармейские колхозы (вторая половина 1920-х — 1930-е гг.) // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы междунар. науч. конф. М., 2011. С. 188, 189.

⁵⁰ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М., 2000. Т. 2. С. 126–130; Тархова Н. С. Указ. соч. С. 190.

⁵¹ См.: Тархова Н. С. Указ. соч. С. 190, 191.

⁵² Колесниченко К. Ю. Деятельность Особого колхозного корпуса ОКДВА в 1932–1936 гг. // Военно-исторический журнал. 2017. № 5. С. 40–46.

⁵³ Тархова Н. С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М., 2010. С. 240.

⁵⁴ См.: Колесниченко К. Ю. Указ. соч. С. 46.

⁵⁵ См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1985. Т. 7. С. 112.

⁵⁶ Там же. С. 114.

⁵⁷ Там же. С. 115.

⁵⁸ См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4-х т. М., 2012. Т. 4. С. 812 и др.

количество трудодней.⁵⁹ И все же функционирование колхозной системы и мобилизационных практик на начальном этапе Великой Отечественной войны позволило в кратчайшие сроки обеспечить мобилизацию демографических и материальных ресурсов для нужд РККА. Интенсификация сельскохозяйствен-

ного производства была обеспечена простым административным решением о повышении обязательного минимума трудодней и увеличении налогового бремени. Обратной стороной медали выступала длительная тенденция к деградации хозяйственных практик и обнищанию сельского населения СССР.

Olga A. Sukhova

Doctor of Historical Sciences, Penza State University (Russia, Penza)

E-mail: suhhov747@yandex.ru

THE SOVIET PEASANTRY AS A RESOURCE OF MOBILIZATION ECONOMY:
HISTORICAL EXPERIENCE AND THE REALITIES OF SOCIALISM

The purpose of the research is studying the problem of preserving the historical continuity of mobilization strategies in the Russian state economic policy. The organization of labor in the 1920–1930s Soviet village was chosen as a subject of scientific analysis. Based on the predecessors' achievements and documentary evidences, the author reveals the genesis and development of the mobilization economy on the example of the study of military settlements and agricultural policy of the Soviet state. Among the main mobilization economy characteristics the article makes mention of the following: militarization of management, preservation and reproduction of emergency management practices, a forced labor. The revival of traditional ways of mobilization of Russia's village resources of the early 20th century was caused by a total crisis of consumer system during the First World War and food insecurity. The rebranding the mobilization strategies of the Imperial period led to a large-scale project of social engineering aimed at completing the transition to industrial forms of management. This project also suggested strict involvement of labor and material resources of the village in the construction of the Soviet economy industrial complex. Administrative tyranny and non-economic forms of forced labor, tested during the Civil war, would form the foundation of collectivization. The historical continuity of managerial decisions is both in certain analogy between the formation of regimental settlement districts in the 19th century and in extensive administrative campaign to organize agricultural communes/collective farms with the participation of demobilized Red Army soldiers in 1924–1933.

Keywords: *peasantry, mobilization economy, military settlements, Stalinist modernization, collective farm system, forced labor, workday, Red Army collective farms*

REFERENCES

- Bessonova O. E. *Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolyutsiya cherez transformatsii* [Distributing economy of Russia: evolution through transformation]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. (in Russ.).
- Ericson R. [Command economy and its heritage]. *Ekonomika Rossii. Oksfordskiy sbornik* [The Oxford Handbook of the Russian Economy]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara Publ., 2015, book 1, pp. 101–165. (in Russ.).
- Fitzpatrick S. *Stalinskiye krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: derevnya* [Stalin's peasants. The social history of Soviet Russia in the 30s: a village]. Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo prezidenta Rossii B. N. El'tsina Publ., 2008. (in Russ.).
- Fonotov A. G. *Rossiya: ot mobilizatsionnogo obshchestva k innovatsionnomu* [Russia: from a mobilization society to an innovative one]. Moscow: Nauka Publ., 1993. (in Russ.).
- Ilyinykh V. A. [Raskrest'yanivaniye of the Siberian village in the Soviet period: main trends and stages]. *Rossiiskaia Istoria* [Russian History], 2012, no 1, pp. 130–141. (in Russ.).

⁵⁹ См.: ПГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 71а.

- Ilyinykh V. A. [Social mobility of the Russian peasantry in the late 1910s–1920s: criteria, trends, factors]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 128–134. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-128-134 (in Russ.).
- Ilyinykh V. A. [The Agrarian system of Siberia in the 20th century: transformation stages]. *Yezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2012 god: Tipologiya i osobennosti regional'nogo agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoy Evropy X–XXI vv.* [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. 2012: Typology and features of regional agrarian development of Russia and Eastern Europe 10th–21st centuries]. Moscow; Bryansk: RIO BGU Publ., 2012, pp. 620–630. (in Russ.).
- Istoriya sovetskogo krest'yanstva: v 5 tomakh.* [History of the Soviet peasantry: in 5 vols]. Moscow: Nauka Publ., 1986, vol. 1. (in Russ.).
- Kandaurova T. N. [Military settlements in Europe and Russia of the 18th–19th centuries]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Current History Journal], 2010, no. 5, pp. 84–109. (in Russ.).
- Kandaurova T. N. [Russian military settlements of the 19th century through the eyes of Europeans]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Current History Journal], 2012, no. 5, pp. 186–207. (in Russ.).
- Kandaurova T. N. [The military settlements in the 19th century Russia: social-culture aspects of development]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye* [Journal of the RSUH. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies], 2012, no. 4 (84), pp. 32–43. (in Russ.).
- Kandaurova T. N. [The Military settlements in Russia: the aspects of the economic history]. *Ekonomicheskaya istoriya: Yezhegodnik* [Economic History: Yearbook]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001, vol. 2000, pp. 559–606. (in Russ.).
- Kandaurova T. N. [The Project of the Organization of the Military Settlements in Siberia]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 2009, no. 2, pp. 18–20. (in Russ.).
- Kirillov V. M. [Forced labor in the USSR: historiographic aspect]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 3 (56), pp. 81–90. (in Russ.).
- Kolesnichenko K. Yu. [The activities of the Special Collective Farm Corps of the Special Red Banner Far-Eastern Army in 1932-1936]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military History Journal], 2017, no. 5, pp. 40–46. (in Russ.).
- Kondrashin V. V. *Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoy voyne: k voprosu ob istokakh stalinizma* [The peasantry of Russia in the Civil War: on the origins of Stalinism]. Moscow: ROSSPEN: Fond “Prezidentskiy tsentr B. N. El'tsin” Publ., 2009. (in Russ.).
- Lebedeva L. V. *Povsednevnyaya zhizn' penzenskoy derevni v 1920-ye gody: traditsii i peremeny* [Everyday life of the Penza village in the 1920s: traditions and changes]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. (in Russ.).
- Matveev O. V. [Everyday life of military settlements]. *Novgorodika — 2018. Povsednevnyaya zhizn' novgorodtsev: istoriya i sovremennost'. Materialy VI Mezhdunarod. konf.* [Novgorodika — 2018. Everyday life of Novgorodians: history and modernity. Materials of the 6th Intern. Conf.]. Veliky Novgorod: Slaviya-Print Publ., 2018, vol. 1, pp. 223–229. (in Russ.).
- Motrevich V. P. [Soviet labor day unit is the salary of “serf” kolkhozniks in a totalitarian state]. *Agrarnyy vestnik Urala* [Agrarian Bulletin of the Urals], 2013, no. 3 (109), pp. 38–43. (in Russ.).
- Osipova T. V. *Rossiyskoye krest'yanstvo v revolyutsii i grazhdanskoy voyne* [Russia's peasantry in the revolution and Civil war]. Moscow: Strelets Publ., 2001. (in Russ.).
- [Round table “Mobilization Economy”: concept, its boundaries and content]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Chelyabinsk State University. History], 2010, iss. 40, no. 15 (196), pp. 142–147. (in Russ.).
- Senyavsky A. S. [Economic development of Russia in the 20th century: historical and theoretical problems]. *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka: sbornik materialov II Vserossiyskoy nauch. konf.* [Mobilization model of the economy: historical experience of Russia of the 20th century: a collection of materials of the 2nd All-Russian Sci. Conf.]. Chelyabinsk: Encyclopedia Publ., 2012, pp. 61–67. (in Russ.).

Sergovantsev D. N. [In Russia “...freedom is introduced through the army.” Review of the book by B. B. Davydov “Military settlements in Russia of the 19th century. Essays on History” (Moscow: Minuvsheye Publ., 2015, 48 p.)] *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki* [Vestnik of Moscow City University. Series “Historical studies”], 2016, no. 2 (22), pp. 103–108. (in Russ.).

Tarkhova N. S. [Red Army collective farms (second half of the 1920s–1930s)]. *Istoriya stalinizma: krest'yanstvo i vlast'. Materialy mezhdunarod. nauch. konf.* [History of Stalinism: peasantry and power. Materials of the Intern. Sci. Conf.]. Moscow: ROSSPEN: Fond “Prezidentskiy tsentr B. N. El'tsina” Publ., 2011, pp. 188–196. (in Russ.).

Tarkhova N. S. *Krasnaya armiya i stalinskaya kollektivizatsiya. 1928–1933 gg.* [Red Army and Stalin's collectivization. 1928–1933]. Moscow: ROSSPEN: Fond “Prezidentskiy tsentr B. N. El'tsina” Publ., 2010. (in Russ.).

Yachmenikhin K. M. [Institute of Military Settlements in the System of State Power in Russia in the first half of the 19th century]. *Rus', Rossiya. Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus', Russia. The Middle Ages and Modern times], 2009, no. 1, pp. 99–100. (in Russ.).

Yachmenikhin K. M. [Non-agricultural occupations of military settlers and arable soldiers of the Novgorod province]. *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii* [North-West in the agrarian history of Russia], 2012, no. 19, pp. 54–62. (in Russ.).